

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТАЯ

Татьяна Дорони́на сыграла Кручинину
в поставленном ею же спектакле

Независимая
газета, - 2000.
- 15 апр. - с. 7

Григорий Заславский

В О МХАТе имени М. Горького — премьера. Татьяна Дорони́на поставила пьесу Островского «Без вины виноватые». Сама актриса накануне премьеры поведала, что давно уж мечтала об этой пьесе и собирается предложить зрителям свою, во многом новую интерпретацию. При полном сохранении текста литературного оригинала. Пиетет перед текстом — то, что неизменно отличает все спектакли МХАТа на Тверском. Поскольку желающих «порезать» классические пьесы ныне немало и примерам таких вивисекторских интерпретаций несть числа, наличие хотя бы одного-двух (с учетом Малого) театров, где к сочинениям Островского или, например, Вампилова относятся с уважением и почтением и ценят буквально каждое слово, — не просто приятно, но и важно (недавно Дорони́на прервала сотрудничество с режиссером, который довольно свободно подошел к одной вампиловской пьесе). Но от признания несомненностей, которые в итоге остаются вне спектакля, перейдем к вопросам более близким репертуару театра, а дальше — и к самой премьере.

По числу пьес Островского в репертуаре МХАТа имени М. Горького скоро сможет поспорить с Малым, который традиционно именуют «Домом Островского», — на Тверском бульваре уже идут «Лес», «Доходное место», «На всякого мудреца довольно простоты». В искусстве, однако, количество никогда механически не переходило в качество, в искусстве — традиционно — берут не числом, а умением. Сказанное не означает, что мы хотим вынести спектаклю обвинительный приговор. Это — не неудача. И не удача. Хорошо там, где играет сама Татьяна Дорони́на, хуже, когда она уходит со сцены. В возглавляемом ею театре немало талантливых актеров, не только «стариков» — актеров того еще, неразделенного МХАТа, но и молодых. Из таких, заметных, в спектакле занят только Валентин Клементьев. Он играет Муромова. Играет неважно, поскольку все время занят собственным голосом — «старит» его, «сажает» и на это тратит немало сил. За «внешней» стороной часто теряется смысл слов: он не разговаривает, он докладывает, совершенно не интонируя наладной речи. Неестественный звук — то, что отличает игру многих, не одного только Клементьева. Можно предположить, что актеры всячески старались уйти от повседневной речи, от бытовой, обесцвеченной разговорной манеры. Хотели походить на своего художественного руководителя — на Татьяну Дорони́ну. Но у нее

эта приподнятая, не бытовая речь, знаменитое придыхание — органическое, свое, у них же — заемное, нарочитое, чужое.

Так выходит, что самая актерская пьеса Островского, позволяющая *поиграть* (даром что писалась для Малого театра, где и сыграли премьеру), даже и похулиганить, во МХАТе имени Горького вышла чопорным бенефисом, где все, кроме Дорони́ной, держатся на сцене с осторожностью, скованны, а почти все попытки разыграться выглядят неловко. Пока Шмага стоит у окна (провинциальный гостиничный

центр сюжета для нее остается трагедия матери, потерявшей сына и через всю жизнь пронесшую это горе. Это она играет. Модный ныне мелодраматизм в исполнении Дорони́ной — не пустой звук, она умеет вызвать сочувствие и даже слезы. На премьере зал был полон, полны были и оба яруса огромного театра, и о реакции можно было судить по качеству молчания в самых драматических местах. Грубости игры других актеров зрители прощали, поскольку для них все искупалось игрой главной исполнительницы.



Татьяна Дорони́на — худрук, режиссер, актриса.
Фото Артема Чернова (НГ-фото)

номер, в котором останавливается Кручинина в горьковском МХАТе, — в исполнении главного художника театра Серебровского — «тянет» на президентские апартаменты в каком-нибудь нынешнем «Балчуге» или «Метрополе»), а Кручинина говорит, Шмага тоскует. Но тоскует не Шмага, а артист — и руки, и голова его не заняты делом. Он — переживает. Пока наконец не придет его черед сесть к кабинетному роялю и можно будет что-то этакое сыграть — скорее в музыкальном, нежели в драматическом смысле.

Со слов Татьяны Дорони́ной, в

Другие — новые, по мысли режиссера, — темы, занимавшие постановщика: судьба детей, в силу разных обстоятельств оставшихся без родителей и никому не нужных, и вторая тема — роль искусства в жизни человека. Искусство, которое позволяет выдержать горести и испытания. Второе, к слову, для Дорони́ной — совершенно автобиографическое. Это ведь она доказала жизнеспособность — и театра, и свою собственную, когда не скурвилась, а работала, работала, точно следуя завету чеховских сестер. Но в новом спектакле эта тема, увы, не звучит.